45 05

Н. Лосскій.

МАТЕРІЯ

въ системѣ

органическаго міровоззрѣнія.

Изданіе Г. А. ЛЕМАНА и С. И. САХАРОВА.
МОСКВА, 1916.

ИЗДАНІЯ Г. А. ЛЕМАНА и С. И. САХАРОВА.

Фолль, К. Опыты сравнительнаго изученія живописи. Цѣна 4 р. 50 коп.

Бердяевъ, Н. Смыслъ творчества. Опытъ оправданія человѣка. Цѣна 2 р. 50 коп.

Радловъ, Э. Л. Философскій словарь. Цѣна 2 руб.

Милль, Дж. Ст. Система логики. Пер. и вступит. статья прив.-доц. В. Н. Ивановскаго 2-е изд. Цѣна 4 р. 50 к.

Котляревскій, С. А. Власть и право. Цѣна 2 р. 50 коп.

Гоббсъ, Т. О гражданинѣ. Пер. подъ ред. проф. С. А. Котляревскаго. Цѣна 2 руб.

Погодинъ, А. Л. Исторія польскаго народа въ XIX вѣкѣ. Цѣна 2 р. 25 коп.

Погодинъ, А. Л. Краткій очеркъ исторіи славянъ. Ц. 60 к.

Хвостовъ, В. М. Женщина и человѣческое достоинство. Цѣна 3 руб.

Хвостовъ, В. М. Теорія историческаго процесса. Цѣна 2 р.

Каблуковъ, Н. А. Статистика. 2-е изд. Цѣна 1 р. 75 коп.

Каблуковъ, Н. А. Пособіе при земско-статистическихъ изслѣдованіяхъ. Цѣна 1 р. 50 к.

Кауфманъ, А. А. Теорія и методы статистики. 3-е изд. Цѣна 3 руб. 50 коп.

Кауфманъ, А. А. Сборникъ статей. Община, переселеніе, статистика. Цѣна 3 руб.

Н. Лосскій.

МАТЕРІЯ

ВЪ СИСТЕМѢ ОРГАНИЧЕСКАГО МИРОВОЗЗРѢНІЯ.

Изданіе Г. А. Лемана и С. И. Сахарова.

Москва—1916 г.

\в

Прев. 1958
Пр.
Б.42Д5
Лос
БИБЛИОТЕКА
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ
4044
24

Типографія Акц. О-во «Моск. Издательство», Б. Дмитровка, 26.

Матерія въ системѣ органическаго міровоззрѣнія.

Различныя философскія міровоззрѣнія глубоко отличаются другъ отъ друга въ своемъ ученіи о матеріальной природѣ: одни утверждаютъ, что матерія есть начало, основное, неустранимое, верховное и всеохватывающее, наоборотъ, согласно ученію другихъ, матерія есть нѣчто производное, подчиненное и занимающее весьма ограниченное мѣсто въ системѣ вселенной.

Человѣкъ, ставя себѣ безконечно высокія цѣли развитія и совершенствованія, чувствуетъ себя стѣсненнымъ узкими рамками матеріальнаго бытія, и потому вопросъ о мѣстѣ матеріи въ составѣ міра имѣетъ для него животрепещущій характеръ.

Цѣль этой статьи—указать нѣкоторыя черты рѣшенія вопроса о матеріальной природѣ, присущія *органическимъ* міровоззрѣніямъ. Изложеніе я буду вести ради большей ясности и конкретности, въ духѣ одного опредѣленнаго вида органическихъ ученій о мірѣ и лишь въ концѣ статьи формулирую общія положенія, отстаиваемыя всѣми видами органическихъ міровоззрѣній или, по крайней мѣрѣ, пріемлемыя для всѣхъ нихъ.

Поясню сначала, что такое *органическое міровоззрѣніе.*

Различіе между органическимъ и неорганическимъ

міровоззрѣніемъ состоитъ въ различномъ пониманіи ими отношенія между міровымъ цѣлымъ и его частями или элементами*).

Разсматривая отношеніе цѣлаго къ элементамъ, можно утверждать, что элементы суть *первоначальное* бытіе, а цѣлое есть нѣчто *вторичное*, элементы суть *основное* бытіе, а цѣлое *производно* изъ нихъ; въ такомъ случаѣ *абсолютное бытіе*, т. е. бытіе, совершенно самостоятельное, можетъ быть найдено только среди элементовъ, т. е. путемъ *нисхожденія* отъ сложнаго къ болѣе простому, такъ какъ цѣлое, согласно этому ученію, есть бытіе *относительное*, обусловленное своими элементами и зависимое отъ нихъ.

Такое цѣлое и такое пониманіе цѣлаго мы будемъ называть *неорганическимъ*. Лучшимъ примѣромъ его можетъ служить груда камней на днѣ пересохшаго горнаго потока. Такое ученіе можно примѣнить также и къ гораздо болѣе высокимъ цѣлымъ, напримѣръ, къ организмамъ растеній и животныхъ. Древній греческій философъ Эмпедоклъ полагалъ, что сначала образуются отдѣльныя головы, руки, туловища, глаза и т. п., они срастаются между собою, „какъ кто съ кѣмъ повстрѣчался", вслѣдствіе чего возникаетъ множество уродливыхъ образованій, неспособныхъ жить и быстро погибающихъ, однако, нѣ-

*) Словомъ *цѣлое* я обозначаю всякій предметъ, въ которомъ можно различить хотя бы только мысленно многія стороны, куски, отрѣзки и т. п. Всякую отдѣльность, различенную въ составѣ цѣлаго, назовемъ словомъ часть или лучше словомъ *элементъ*. Само собою разумѣется, слово элементъ имѣетъ здѣсь *относительное* значеніе: подъ нимъ разумѣется не что либо абсолютно простое, далѣе неразложимое, а всякое такое, что выдѣлено изъ состава цѣлаго и *въ отношеніи къ этому цѣлому* болѣе просто (хотя само по себѣ можетъ быть тоже сложнымъ и въ свою очередь само можетъ быть названо цѣлымъ въ отношеніи къ тому, что въ немъ можно различить).

которыя изъ этихъ сочетаній случайно оказываются удачными (голова приросла къ шеѣ, шея къ туловищу и т. д.), они сохраняются и образуютъ царство животныхъ. Очевидно, такое ученіе о возникновеніи организмовъ есть *неорганическое* въ установленномъ выше философскомъ значеніи этого термина. Точно такъ же и современные біологи и матеріалисты, полагающіе, что атомы матеріи, вполнѣ независимые по своему бытію другъ отъ друга и отъ какого бы то ни было цѣлаго, *встрѣчаясь* въ пространствѣ, образуютъ сначала простѣйшія неорганическія соединенія, затѣмъ болѣе сложныя и, наконецъ, протоплазму простѣйшаго организма, являются сторонниками *неорганическаго* ученія объ организмѣ. Какъ ни далеки ихъ взгляды отъ наивныхъ представленій Эмпедокла, все-же принципіально, въ философской своей основѣ ихъ ученія стоятъ въ одной плоскости съ ученіемъ Эмпедокла.

Точно такъ-же соціологъ, полагающій, что государство есть не болѣе, какъ сумма человѣческихъ особей, создавшихъ общественную организацію только, какъ *средство* для достиженія цѣлей индивидуума, придерживается *неорганическаго* ученія о соціальномъ цѣломъ.

Органическое пониманіе цѣлаго прямо противоположно неорганическому. Оно состоитъ въ утвержденіи, что цѣлое—*первѣе* своихъ элементовъ, что цѣлое—есть нѣчто *основное*, а элементы производны; абсолютнаго бытія сторонникъ органическаго міровоззрѣнія ищетъ не путемъ нисхожденія отъ цѣлаго къ элементамъ, а въ самомъ цѣломъ, или еще чаще, путемъ восхожденія отъ цѣлаго въ сферу еще болѣе высокую, въ область сверхмірового бытія, Бога.

Для большинства ученыхъ неорганическое ученіе о

цѣломъ, какъ продуктѣ сочетанія элементовъ, кажется единственно пріемлемымъ и понятнымъ, тогда какъ органическое ученіе о цѣломъ, утвержденіе, что цѣлое есть основаніе своихъ элементовъ, представляется пустымъ наборомъ словъ, „туманною философіею".

Чтобы въ корнѣ пресѣчь такое несправедливое отношеніе къ органическому міропониманію, приведемъ наглядный образецъ такого цѣлаго, которое никѣмъ не можетъ быть понято иначе, какъ въ духѣ органическаго ученія. Именно, разсмотримъ отношеніе между геометрическимъ тѣломъ и плоскостями, получаемыми отъ его пересѣченія, или между плоскостью и линіями на ней, или между линіею и точками на ней. На линіи можно получить безконечное множество точекъ, но суммированіемъ какого угодно количества точекъ нельзя создать линію, точно также на плоскости можно получить сколько угодно линій, но никоимъ образомъ нельзя суммированіемъ линій образовать плоскость и т. д. Здѣсь цѣлое обосновываетъ свои элементы, но не обосновывается ими: оно есть *предметъ высшаго типа* по сравненію со своими элементами*).

Точно такъ же можно смотрѣть и на другія цѣлыя, напр., на цѣлое растительнаго или животнаго организма. Ткани и органы тѣла животнаго возникаютъ не иначе, какъ на основѣ уже существующаго организма, хотя бы самаго простого, примитивнаго, напр., дробящейся зародышевой клѣтки. Ростъ тѣла осуществляется не путемъ самовнѣдренія въ него частей среды, а путемъ *питанія*

*) Возраженіе, что линію можно получить движеніемъ точки не имѣетъ силы, потому что *движеніе* точки не есть сумма точекъ, т. е. не есть сумма положеній точки; движеніе точки есть *цѣлое*, въ составѣ котораго въ качествѣ одной изъ *сторонъ* его есть *линія* движенія, такъ что и самый этотъ примѣръ есть опять уже образецъ органическаго цѣлаго.

организма, т. е. путемъ производимой имъ *выборки* изъ среды необходимыхъ ему составныхъ частей и притомъ путемъ *ассимиляціи* ихъ, такъ что въ тканяхъ организма находится не сѣра или азотъ, а вещество, *измѣненное въ духѣ системы организма.*

Точно такъ же и государство можно считать не суммою индивидуумовъ, а цѣлымъ, существующимъ благодаря тому, что у индивидуумовъ есть *сверхъ-индивидуальная сторона*; елѣдовательно, индивидуумы находятся въ составѣ государства, какъ точки на линіи, вовсе не исчерпывая своими индивидуальными интересами и цѣлями всей жизни государства. Такое, напр., явленіе, какъ война, разлагается, съ точки зрѣнія *неорганическаго* ученія лишь на индивидуально-психическія стремленія, чувства и поступки отдѣльныхъ людей: *честолюбіе* полководцевъ или монарха, *жажду наживы* фабрикантовъ и купцовъ, *страхъ* передъ жестокою дисциплиною у солдатъ и т. п. Наоборотъ, сторонникъ *органическаго* ученія о государствѣ, *нисколько не отрицая соучастія перечисленныхъ индивидуально-психическихъ факторовъ*, все же полагаетъ, что не они составляютъ главное основаніе такого великаго соціальнаго явленія, какъ война: по его мнѣнію, государственное цѣлое имѣетъ свои особыя сверхъ-человѣческія цѣли, и граждане государства, содержа въ самой своей индивидуальности сверхъ-индивидуальную сторону, способны, хотя бы отчасти, на безкорыстный патріотизмъ и самопожертвованіе.

Изъ этого послѣдняго примѣра видно, что органическія ученія не во всемъ противоположны неорганическимъ. Они въ большинствѣ случаевъ *принимаютъ утвержденія* неорганическихъ теорій и *отвергаютъ* только ихъ

отрицанія; органическія теоріи *видятъ больше* въ мірѣ чѣмъ неорганическія.

Если философъ полагаетъ, что не только отдѣльные сложные предметы въ мірѣ, но и все міровое цѣлое—есть органически цѣльное единство, то онъ является представителемъ уже не отдѣльной органической теоріи, а цѣлаго *органическаго міровоззрѣнія*. Весь міръ представляется сторонникy такого ученія столь же единымъ и цѣльнымъ, какъ единъ и цѣленъ музыкальный тонъ, въ которомъ можно различить умомъ разныя стороны, напр., качество, интенсивность его, но нельзя и помыслить, чтобы эти стороны существовали сначала сами по себѣ независимо другъ отъ друга, а потомъ встрѣтились и, сочетавшись, образовали тонъ.

Обратимся теперь къ вопросу, какой характеръ принимаетъ въ такомъ міровоззрѣніи ученіе о матеріальной природѣ.

Чтобы дать ясный отвѣтъ на этотъ вопросъ, нужно изложить не только органическое, но и неорганическое ученіе о матеріи и противоставить ихъ другъ другу. Въ виду множества разнородныхъ ученій о матеріи нельзя брать примѣръ органической и неорганической теоріи слѣпо, на удачу; нужно извлечь ихъ изъ какой-либо классификаціи теорій матеріи, такъ какъ лишь при этомъ условіи мы будемъ знать сферу значенія взятыхъ нами примѣровъ.

Воспользуемся для этой цѣли классификаціею Эд. Гартмана съ точки зрѣнія различія между системами основныхъ понятій, исходя изъ которыхъ можно построить ученіе о матеріи*).

Матерія—есть *подвижное реальное*. Поскольку рѣчь

*) Ed. Hartmann, Die Weltanschauung der modernen Physik, стр. 187 с.

идетъ о движеніи, необходимо исходить изъ понятій *пространства* и *времени*, опредѣляющихъ формальную сторону матеріальнаго процесса, и здѣсь между представителями различныхъ теорій спора нѣтъ. Разногласія возникаютъ лишь по вопросу о *реальной* сторонѣ матеріальнаго процесса, о *содержаніи* его: одни исходятъ здѣсь изъ понятія *массы*, другіе—изъ понятія *силы*, третьи—изъ понятія *энергіи*. Такимъ образомъ получаются слѣдующіе три класса теорій:

1) Первый классъ теорій матеріи—это тѣ, которыя полагаютъ въ основу понятія: пространство, время и масса. Согласно этимъ ученіямъ матерія есть *движущаяся масса*; такія теоріи матеріи можно назвать *гилокинетическими**).

2) Второй классъ ученій о матеріи исходитъ изъ понятій—пространство, время, сила. Согласно этимъ теоріямъ, матерія есть *обнаруженіе силъ отталкиванія и притяженія*. Это—*динамистическія* теоріи матеріи.

3) Наконецъ, третій классъ составляютъ теоріи, исходящія изъ понятій—пространство, время, энергія. Согласно этимъ теоріямъ, которыя назовемъ *энергетическими*, матерія есть *комплексъ энергій*. Слѣдуетъ замѣтить, что въ этой схемѣ къ третьему классу отнесенъ только *качественный* энергетизмъ, т. е. направленіе въ физикѣ Дюгема, Маха или Оствальда въ его «Лекціяхъ по натурфилософіи», отказывающееся отъ гипотезъ, сводящихъ качественно различные виды энергіи къ одному типу энергіи такъ, что различія между видами энергіи оказываются лишь количественными. Отсюда ясно, что современныя электронныя теоріи матеріи вовсе не обязаны принадле-

*) Греческое слово ὕλη —матерія и κίνησις—движеніе.

жать къ третьему изъ перечисленныхъ классовъ: онѣ могутъ быть развиты въ духѣ *динамистическихъ* теорій.

Качественный энергетизмъ отказывается отъ гипотезъ, объясняющихъ, какъ совершается превращеніе одного вида энергіи въ другой. Поэтому для разсмотрѣнія основныхъ натуръ-философскихъ вопросовъ, которые будутъ интересовать насъ въ концѣ статьи, онъ не даетъ точекъ опоры. Въ силу этого мы оставимъ его въ сторонѣ и сосредоточимся лишь на гилокинетическихъ и динамистическихъ теоріяхъ.

Яркіе образцы неорганическихъ ученій о матеріи можно найти среди гилокинетическихъ теорій. Наиболѣе распространенныя изъ нихъ приписываютъ матеріи слѣдующія свойства. Матерія состоитъ изъ атомовъ, т. е мельчайшихъ, неразложимыхъ далѣе (по крайней мѣрѣ естественными физическими средствами) частицъ, атомовъ Каждый атомъ есть маленькое тѣльце, протяженное, абсолютно непроницаемое и обладающее неизмѣнною массою*).

Каждый атомъ (а также и скопленіе ихъ) *инертенъ*, т. е. не способенъ *самостоятельно* измѣнить свое состояніе покоя или движенія: только подъ вліяніемъ воздѣйствія *извнѣ*, именно подъ вліяніемъ *толчка* или *давленія*, производимаго на него другимъ движущимся тѣломъ, можетъ онъ выйти изъ состоянія покоя или измѣнить направленіе и скорость своего движенія.

Въ этомъ ученіи о матеріи слово *сила* означаетъ лишь причину *измѣненія* движенія. Но такъ какъ причиною измѣненія движенія оно считаетъ всегда опять-таки

*) Если послѣдніе элементы матеріи суть *тѣльца*, то слѣдовало бы называть ихъ не атомами, а *корпускулами* (corpusculum—тѣльце). Однако это требованіе строго не проводится; поэтому въ текстѣ мы будемъ называть такія частицы атомами.

движеніе другой частицы матеріи, то подъ силою здѣсь разумѣется *движеніе* одной частицы матеріи, *поскольку* оно есть причина измѣненія движенія другой частицы матеріи. Такимъ образомъ гилокинетическая теорія матеріи освобождается отъ *метафизическаго* понятія силы; одно пространственно-временное явленіе въ отношеніи къ другому пространственно-временному явленію,—вотъ все, что нужно разсматривать здѣсь, говоря о силѣ.

Въ рамки этого ученія не можетъ уложиться понятіе о силѣ дѣйствующей на разстояніи. „Тѣло не можетъ дѣйствовать тамъ, гдѣ его нѣтъ", говорятъ сторонники гилокинетической теоріи. Даже явленія тяготѣнія они стремятся вывести изъ толчковъ движущихся частицъ матеріи. Такъ, напр., согласно гипотезѣ Лесажа (физикъ XVIII в.), явленія тяготѣнія объясняются толчками частицъ эфира, носящихся въ пространствѣ по всевозможнымъ направленіямъ. Въ самомъ дѣлѣ, представимъ себѣ надъ землею на разстояніи 20 саженей тѣло птицы только что подстрѣленной охотникомъ. Тѣло ея подвергается со всѣхъ сторонъ толчкамъ частицъ эфира; толчки справа и слѣва, спереди и сзади взаимно уравновѣшиваются; но толчки сверху внизъ къ центру земли и толчки снизу вверхъ не уравновѣшиваютъ другъ друга: земля играетъ роль какъ бы экрана, задерживающаго многія частицы эфира и, слѣдовательно, тѣло птицы испытываетъ большее количество толчковъ сверху внизъ, чѣмъ снизу вверхъ; вслѣдствіе этого оно падаетъ по направленію къ центру земли.

Точно такъ же обращеніе луны вокругъ земли, обращеніе планетъ вокругъ солнца (т. е. отклоненіе ихъ отъ касательной къ орбитѣ) объясняется *притягиваніями*

къ землѣ, къ солнцу, а не *притяженіемъ* на разстояніи между землею и луною, между солнцемъ и планетами.

Такая теорія, объясняющая всѣ явленія толчками частицъ матеріи, должна, повидимому, потерпѣть крушеніе, встрѣтившись съ проблемою химическихъ реакцій соединенія. Однако, остроуміе и находчивость человѣческаго генія способны преодолѣть, хотя бы временно, всѣ препятствія, приспособляя излюбленную гипотезу къ фактамъ. Можно представить себѣ строеніе молекулы подобнымъ нашей солнечной системѣ, а химическое соединеніе понимать, какъ явленіе, аналогичное включенію какой либо кометы въ составъ солнечной системы. Если комета, не принадлежащая къ нашей системѣ, окажется случайно пролетающею слишкомъ близко къ солнцу, то начнется указанное выше одностороннее приталкиваніе ея тѣла къ солнцу и путь ея можетъ измѣниться настолько, что она станетъ постояннымъ членомъ нашей солнечной системы. Такими же приталкиваніями можно пытаться объяснить сочетанія атомовъ, образующія молекулу.

Изъ приведенныхъ примѣровъ явствуетъ, что гилокинетическая теорія матеріи есть яркій образецъ *неорганическаго* ученія. Природа здѣсь строится изъ элементовъ вполнѣ самостоятельныхъ, независимыхъ по своему бытію другъ отъ друга. Невѣроятную степень обособленности ихъ можно пояснить слѣдующимъ образомъ. Допустимъ (хотя бы въ видѣ фикціи) бытіе Всемогущаго Существа, которое сверхъестественнымъ путемъ уничтожило бы всѣ атомы, кромѣ одного; согласно разсмотрѣнной теоріи, этотъ оставшійся атомъ нисколько не измѣнился бы въ своемъ бытіи: онъ сохранилъ бы тотъ же объемъ, что и раньше, и продолжалъ бы вѣчно свое движе-

ніе съ тою же скоростью и въ томъ же направленіи, какъ въ моментъ гибели его собратьевъ; ему жилось бы даже еще лучше, чѣмъ прежде: никто больше не толкалъ бы его въ пути.

Точно такъ же основныя понятія, изъ которыхъ строится здѣсь ученіе о матеріи, образуютъ не внутренное связную систему, а группу мыслей, внѣшне присоединенныхъ другъ къ другу. Такъ, напр., атому приписывается непроницаемая объемность, затѣмъ движеніе, затѣмъ масса; второе и третье свойство не связаны необходимымъ образомъ ни съ первымъ, ни другъ съ другомъ.

Каждый шагъ матеріальнаго процесса также имѣетъ въ этой теоріи ярко неорганическій характеръ. Въ самомъ дѣлѣ, всякое измѣненіе движенія (или относительнаго покоя) ечитается здѣсь обусловленнымъ *встрѣчею* двухъ частицъ матеріи въ пространствѣ и столкновеніемъ ихъ. Слѣдовательно, *всякое измѣненіе* здѣсь имѣетъ характеръ *случайности*, если разумѣть подъ словомъ случай событіе, обусловленное встрѣчею въ пространствѣ и времени двухъ процессовъ, независимыхъ ни другъ отъ друга, ни отъ общаго цѣлаго, подчиняющаго ихъ себѣ.

Сколь бы заманчивою ни казалась намъ эта теорія матеріи въ силу своей простоты, все же приходится признать, что опытъ и особенно мышленіе на каждомъ шагу понуждаютъ насъ составить иное, болѣе сложное понятіе о матеріальной природѣ. Въ дѣйствительности всѣ свойства матеріи обладаютъ явно *относительнымъ* характеромъ, существуютъ только на основѣ системы цѣлаго; абсолютированіе ихъ, производимое гилокинетическою теоріею, не находитъ себѣ подтвержденія на дѣлѣ. Такъ, *непроницаемый* объемъ тѣла всегда измѣнчивъ, всегда собразуется съ возрастаніемъ или уменьшеніемъ давле-

нія окружающей среды и, слѣдовательно, существуетъ не абсолютно, а въ отношеніи къ системѣ цѣлаго. Точно такъ же *движеніе* тѣла возможно не иначе, какъ въ отношеніи къ другимъ тѣламъ. Даже *масса*, прежде считавшаяся абсолютно неизмѣнною и самостоятельною принадлежностью каждой частицы матеріи, теперь разсматривается нѣкоторыми физиками, какъ функція движенія и, слѣдовательно, какъ нѣчто присущее частицѣ матеріи лишь сообразно системѣ цѣлаго.

Въ грандіозномъ видѣ и для философскаго ума сразу съ полною убѣдительностью матеріальная природа предстаетъ, какъ единое органическое цѣлое, если обратить вниманіе на то, что міровое пространство есть органическая система, въ которой всякая точка и всякое мѣсто существуетъ не иначе, какъ во взаимномъ соотношеніи съ остальными точками и мѣстами. Протяженность частицъ матеріи, занимающая опредѣленное мѣсто въ пространствѣ, есть часть самого этого единаго органически цѣльнаго мірового пространства; она не можетъ быть понята, какъ индивидуально присущее частицамъ матеріи свойство, такъ что можно было бы себѣ представить, будто есть, съ одной стороны, пустота, а, съ другой стороны—объемныя частицы матеріи, которыя вброшены въ пустоту (тогда существовало бы двѣ пространственности—протяженность пустоты и протяженность накладывающейся на пустоту матеріальной частицы). Отсюда слѣдуетъ, что каждая частица матеріи и даже каждая точка ея имѣетъ мѣсто въ мірѣ не иначе, какъ въ соотношеніи со всѣми остальными точками и существуетъ не какъ самостоятельный элементъ, а какъ моментъ цѣлаго матеріальной природы.

Совершенно инымъ способомъ, но не менѣе убѣди-

тельно вскрывается необходимость органическаго ученія о матеріи уму того, кто усматриваетъ, что всѣ измѣненія въ матеріальной природѣ осуществляются не путемъ дѣйствій одного тѣла на другое, а путемъ *взаимодѣйствій*. Подъ взаимодѣйствіемъ же разумѣется такое вліяніе вещи A на B и, наоборотъ, B на A, при которомъ состояніе a первой вещи и состояніе b второй вещи суть *одновременно* другъ для друга причина и дѣйствіе.

Это чудо единовременнаго взаимоопредѣленія двухъ различныхъ вещей осуществляется даже въ случаѣ такого простого, на первый взглядъ, событія, какъ толчокъ. Въ самомъ дѣлѣ, столкновеніе двухъ частицъ матеріи вовсе не есть послѣдовательный во времени рядъ дѣйствій A на B и *потомъ* B на A, вродѣ того, какъ на оскорбленіе обиженный отвѣчаетъ иногда еще худшимъ оскорбленіемъ. Толчокъ не можетъ быть такимъ простымъ причиннымъ рядомъ потому, что толканіе возможно лишь постольку, поскольку есть отталкиваніе, и наоборотъ, отталкиваніе возможно лишь постольку, поскольку есть толканіе. Итакъ, здѣсь передъ нами *одновременное взаимоопредѣленіе*; дѣйствіе и противодѣйствіе здѣсь такъ неразрывно связаны другъ съ другомъ, что приходится отказаться отъ мысли о *разрозненномъ бытіи атомовъ* и признать, что они суть лишь *моменты единаго органическаго цѣлаго*.

Убѣдившись, такимъ образомъ, въ необходимости органическаго ученія о матеріи, познакомимся съ нимъ, заимствовавъ образецъ его изъ области динамистическихъ теорій.

Динамизмъ исходитъ изъ понятій пространства, времени и силы. Все реальное содержаніе матеріи онъ разсматриваетъ, какъ обнаруженіе силъ отталкиванія и при-

тяженія. Въ самомъ дѣлѣ, *непроницаемость* матеріальной частицы, заполненность ею нѣкотораго объема—есть не что иное, какъ выталкиваніе всѣхъ частицъ матеріи, стремящихся проникнуть въ этотъ объемъ. Точно такъ же, масса тѣла, степень инертности его—есть не пассивность, а обнаруженіе силы, именно противодѣйствіе его тѣмъ силамъ, которыя стремятся вывести его изъ состоянія покоя или измѣнить существующее уже движеніе его. Лоджъ, настаивая на активномъ характерѣ инерціи, опредѣляетъ даже ее, какъ „способность тѣла самостоятельно выходить изъ положенія, занимаемаго имъ въ пространствѣ" или какъ „способность двигаться при наличности противодѣйствующихъ силъ" *).

Такимъ образомъ масса и непроницаемость суть двѣ стороны одного и того же процесса, имѣющаго характеръ утвержденія своей исключительной сферы бытія. Поскольку это *процессъ*, и притомъ процессъ *отталкиванія*, *форма* его мыслима не иначе, какъ въ видѣ *временнóго* и *пространственнаго* порядка. Наличность противоположной силы, притяженія, не нарушаетъ этой системы, такъ какъ процессъ притяженія укладывается въ тѣ же пространственно-временныя формы.

Согласно этому ученію—матерія есть не застывшее бытіе, а *процессъ*, и притомъ процессъ, совершающійся по типу органическаго строенія, такъ какъ всѣ стороны его существуютъ не сами по себѣ, а въ отношеніи къ цѣлому. Такъ, непроницаемость не есть неизмѣнная наполненность опредѣленнаго объема,—она есть дѣйствованіе отталкиванія и, слѣдовательно, ежесекундно объемъ ея мѣняется соразмѣрно противодѣйствію окружающей сре-

*) Лоджъ, «Электричество и матерія», перев. Мержковскаго, стр. 3 с.

ды. Если бы всѣ частицы матеріи, кромѣ одной, были чудеснымъ образомъ уничтожены, то и оставшаяся частица *не имѣла бы непроницаемаго объема*: этотъ фактъ исчезъ бы самъ собою, потому что нечего было бы отталкивать. Оставшаяся частица сохранилась бы только, какъ *сила*, т. е. какъ нѣчто такое, что *способно* при соотвѣтствующихъ условіяхъ проявить отталкиваніе, но само не есть *дѣйствительное наполненіе* пространства.

Связная группа непроницаемыхъ объемностей есть результатъ дѣйствія силъ отталкиванія и притяженія, имѣющихъ характеръ *центральныхъ силъ*; направленія обнаруженій каждой изъ нихъ исходятъ изъ одной точки, которую можно назвать *центромъ обнаруженія* силы. Такое ученіе, слѣдовательно, вовсе не порываетъ съ атомистикою: оно есть *динамистическій атомизмъ*. Болѣе спеціальные вопросы, напр., вопросъ, нужно ли пріурочивать дѣятельность притяженія и отталкиванія къ различнымъ центрамъ или же можно одинъ и тотъ же центръ считать исходнымъ пунктомъ обѣихъ противоположныхъ дѣятельностей, мы оставимъ въ сторонѣ и сосредоточимся на болѣе основныхъ вопросахъ, такъ какъ наша задача состоитъ въ томъ, чтобы включить ученіе о матеріи въ ученіе о мірѣ, какъ цѣломъ. Поэтому займемся разсмотрѣніемъ основъ матеріи, именно, источника силъ, обусловливающихъ матеріальный процессъ.

Дойти до понятія центральной силы это не значитъ еще закончить изслѣдованіе основъ матеріальной природы. Центральная *сила* есть *отвлеченное* понятіе, само по себѣ не способное замѣстить такого конкретнаго понятія (т. е. понятія, обозначающаго существо, а не отвлеченный моментъ), какъ „атомъ“. И дѣйствительно, центръ обнаруженія силы собственно есть центръ обнаруженія

безчисленнаго множества силъ, дѣйствующихъ изъ одной точки по безконечному множеству радіусовъ, и всѣ эти силы составляютъ неразрывное единство, указывающее на то, что въ основѣ лежитъ единый дѣятель, не сила, а *обладатель силы*. Такого дѣятеля Лейбницъ называетъ старымъ, заслужённымъ въ философіи терминомъ *субстанція*. Послѣдуемъ его примѣру, съ тою лишь разницею, что для большой ясности будемъ пользоваться чаще всего не терминомъ субстанція, а терминомъ *субстанціальный дѣятель*.

Вслѣдствіе наклонности нашего ума все представлять себѣ въ чувственной наглядной формѣ, трудно удержаться при первомъ ознакомленіи съ динамистическою теоріею отъ искаженія ея, ведущаго къ недоразумѣніямъ, неясностямъ и противорѣчіямъ*).

Особенно въ виду того, что силы (вѣрнѣе, субстанціальные дѣятели) динамистической теоріи, соотвѣтствуютъ атомамъ гилокинетической теоріи является соблазнъ думать, будто центръ *обнаруженія* силы есть точка, въ которой „сидитъ“ *сама* субстанція или сила. Тогда субстанціи уподобляются безконечно малымъ пылинкамъ, разбросаннымъ въ пространствѣ, или паучкамъ, сидящимъ въ центрѣ своей паутины, распространяющейся во всѣ стороны по радіусамъ, и динамистическая теорія сразу утрачиваетъ всѣ свои достоинства; вмѣсто того, чтобы рѣшать загадки матеріальнаго бытія, она тогда только увеличиваетъ количество ихъ. Въ самомъ дѣлѣ, помѣстивъ силы или субстанціи въ опредѣленныя *мѣста въ пространствѣ*, приходится считать пространственную *форму* предваряющимъ условіемъ для дѣятельности субстан-

*) См. объ этомъ Ed, Hartmann, Die Weltanschauung der modernen Physik, стр. 205.

ціи, для производимыхъ ими отталкиваній и притяженій, составляющихъ *содержаніе* матеріальнаго процесса. Ставя такимъ образомъ форму раньше содержанія, мы разъединяемъ форму и содержаніе, вслѣдствіе чего дѣйствіе одной субстанціи на другую приходится теперь представлять, какъ *дѣйствіе на разстояніи*; всѣ трудности этого понятія встаютъ передъ нами съ непреодолимою силою: не понятно, какъ субстанціи-пылинки опредѣляютъ разстояніе между собою, какъ онѣ одновременно соразмѣряютъ свои отталкиванія и притяженія съ измѣненіемъ этихъ разстояній и т. п. Коротко говоря, нельзя представить себѣ возможности столь тѣснаго отношенія, какъ *взаимодѣйствіе*, между дѣятелями, которые были бы разбросаны въ пространствѣ.

Для устраненія этихъ непонятностей нужно помнить, что субстанціальные дѣятели и силы, которыми они обладаютъ, не пространственны: они не пылинки, даже не математическія точки и потому нигдѣ въ пространствѣ не могутъ быть *помѣщены*. Центры силъ суть не „сѣдалище" силъ и субстанцій, а исходные пункты *обнаруженія* ихъ *дѣятельности*; сами субстанціи и ихъ силы *сверхпространственны* и потому способны обнаруживать свою дѣятельность *въ любыхъ мѣстахъ* пространства сообразно своимъ непосредственнымъ отношеніямъ другъ къ другу. Въ самомъ дѣлѣ, множество субстанціальныхъ дѣятелей есть сверхпространственное царство бытія, въ которомъ слѣдовательно, каждый дѣятель находится не близко и не далеко отъ другихъ дѣятелей. Всѣ они образуютъ единство столь тѣсное, что *совмѣстнымъ дѣйствіемъ* создаютъ всю матеріальную природу сразу и *съ ея пространственною формою*, и *съ ея содержаніемъ*, такъ что пространство не предшествуетъ процессамъ отталкиванія и

притяженія и, наоборотъ, процессы эти не предшествуютъ пространству. Вся загадочность дѣйствія на разстояніи здѣсь отпадаетъ.

Въ самомъ дѣлѣ, между субстанціальными дѣятелями разстояній нѣтъ; точно такъ же нѣтъ разстояній между субстанціальными дѣятелями и создаваемыми ими продуктами, именно непроницаемыми объемностями; разстоянія существуютъ только между этими объемностями. Стоя такимъ образомъ выше пространства, субстанціальные дѣятели могутъ, напр., осуществлять *притяженіе* созданныхъ ими непроницаемыхъ объемностей какъ бы ни было велико разстояніе между этими объемами. Они играютъ роль какъ бы хозяевъ, которые будучи сверхпространственными, способны обнаружить свое вліяніе во всякой точкѣ хозяйства, именно во всей сферѣ пространственнаго матеріальнаго міра.

Приступимъ теперь къ характеристикѣ основныхъ философскихъ чертъ изложеннаго ученія о матеріи. Оно развито въ духѣ органическаго міропониманія. Всякое свойство матеріальной частицы разсматривается, какъ существующее не самостоятельно, а на основѣ всей системы матеріальной природы. Мало того, и вся матеріальная природа цѣликомъ *не первоначальна*; она есть нѣкоторое *производное бытіе*, обусловленное болѣе высокою *сверхматеріальною основою*, силами субстанціальныхъ дѣятелей. Силы эти можно назвать *матеріирующими**), но субстанціальные дѣятели могутъ обладать еще и другими силами, не создающими матеріальнаго бытія, т.-е. непроницаемаго наполненія пространства, а производящими другія дѣйствія. Такъ, нѣкоторыя субстанціи не

*) Такъ называетъ ихъ Эд. Гартманъ въ упомянутой выше книгѣ стр. 205.

только обнаруживаютъ матеріирующую дѣятельность отталкиванія и притяженія, но еще и способны при этомъ переживать психическія состоянія.

Продуктъ ихъ дѣятельности есть *одушевленное тѣло*, т. е. матеріальное бытіе, въ которомъ процессы отталкиванія и притяженія совершаются *осмысленно*, и именно въ направленіи, опредѣляемомъ психическими процессами. Каждому изъ насъ хорошо знакомы такія существа: въ самомъ дѣлѣ, всякое человѣческое я есть субстанціальный дѣятель, осуществляющій матеріальные процессы отталкиванія и направляющій, по крайней мѣрѣ нѣкоторые изъ нихъ, сообразно своимъ желаніямъ.

Вліяніе психическаго процесса на физическій отвергается многими философами и психологами потому, что оно представляется на первый взглядъ несогласимымъ съ закономъ сохраненія энергіи. Въ дѣйствительности, однако, это затрудненіе существуетъ только для *дуалистическихъ* теорій, утверждающихъ существованіе двухъ глубоко разнородныхъ субстанцій — души и матеріи. Если же признать, какъ это высказано выше, что *одинъ и тотъ же субстанціальный дѣятель* способенъ (по крайней мѣрѣ на извѣстной ступени развитія) не только осуществлять матеріальный процессъ, но еще и психическую дѣятельность, то вліяніе психическаго процесса на матеріальный становится вообще легко представимымъ и притомъ такъ, что не требуется отмѣны закона сохраненіи энергіи. Для этого достаточно предположить, напр., (возможны и другія предположенія), что усиленіе или ослабленіе дѣятельности отталкиванія въ желаемомъ направленіи сопутствуется ослабленіемъ или усиленіемъ той же дѣятельности въ какихъ-либо другихъ направленіяхъ въ такой степени, что

количество энергіи остается прежнимъ. На путь такого предположенія (или другихъ подобныхъ ему), необходимо будетъ вступить, если экспериментальныя изслѣдованія окончательно установятъ, что всѣ процессы, совершающіеся въ организмахъ, подчинены закону сохраненія энергіи (опыты Атуотера и Рубнера, повидимому, подтверждаютъ это положеніе).

Изложенное ученіе о матеріи, допускающее *въ одномъ существѣ* и матеріальную, и психическую сторону и притомъ такъ, что психическій процессъ управляетъ матеріальнымъ, есть *гилозоизмъ*, т. е. ученіе о *живой матеріи*. Но гилозоизмъ считается обыкновенно непріемлемымъ, такъ какъ предполагается, что онъ неизбѣжно вступаетъ въ противорѣчіе съ *закономъ инерціи*. Въ самомъ дѣлѣ, согласно закону инерціи всякое тѣло способно измѣнить свое состояніе покоя или движенія не иначе, какъ подъ вліяніемъ *внѣшней* въ отношеніи къ нему силы. Слѣдовательно, если бы одушевленное тѣло способно было посредствомъ одного лишь *своего желанія* начинать двигаться или прекращать движеніе или мѣнять его направленіе, законъ инерціи былъ бы нарушенъ. Нетрудно однако замѣтить, что гилозоистическое ученіе, изложенное выше, не вступаетъ въ это противорѣчіе съ закономъ инерціи. Усиленіе *стремленія* къ отталкиванію въ опредѣленномъ направленіи можетъ закончиться дѣйствительнымъ *осуществленіемъ* отталкиванія лишь въ томъ случаѣ, если подвергающееся его воздѣйствію тѣло противопоставитъ ему равное противодѣйствіе. Слѣдовательно, перемѣщеніе матеріальнаго тѣла въ пространствѣ, могущее возникнуть въ результатѣ процесса отталкиванія, всегда окажется обусловленнымъ не только внутреннею силою тѣла, но еще и внѣшнею силою; такимъ образомъ нашъ гилозоизмъ не

требуетъ нарушенія закона инерціи. Въ противорѣчіе съ этимъ закономъ вступаетъ лишь тотъ гилозоизмъ, который утверждаетъ, что частица матеріи можетъ быть перемѣщена въ пространствѣ одною лишь внутреннею своею силою безъ содѣйствія внѣшней силы.

Но неправильнымъ было бы также и противоположное ученіе, которое полагало бы, будто для выполненія требованій закона инерціи необходимо признать, что частица матеріи измѣняетъ свое состояніе покоя или движенія подъ вліяніемъ одной лишь внѣшней силы: тогда пришлось бы думать, что измѣненія въ матеріальной средѣ могутъ происходить не въ формѣ взаимодѣйствія, а въ формѣ простого причиннаго ряда.

Послѣ всего сказаннаго нетрудно дать представленіе о самой характерной чертѣ ученія о матеріи въ системѣ органическаго міропониманія. Если матерія производна изъ высшаго бытія, и притомъ бытія, способнаго также производить другіе виды дѣйствительности, кромѣ матеріи, то законы матеріальной природы *условны* въ гораздо большей степени, чѣмъ это представляютъ себѣ обыкновенно физики.

Никто, конечно, не сомнѣвается въ томъ, что формула всякаго частнаго закона должна содержать въ себѣ громадное количество условій, которыя, обыкновенно, даже не всѣ бываютъ установлены, такъ что формула закона не обладаетъ полною точностью, т. е. оказывается, обыкновенно, слишкомъ широкою. Такъ, напр., ожидать, что при 100^0 вода закипитъ во всякомъ случаѣ, это значитъ слишкомъ мало учитывать сложность природы: кромѣ температуры въ 100^0, необходимо еще нормальное давленіе атмосферы, химическая чистота воды и т. п., и т. п. Физикъ знаетъ объ этомъ неисчерпаемомъ множествѣ допол-

нительныхъ условій, но, имѣя дѣло всегда только съ матеріею, онъ привыкаетъ думать, что всѣ эти условія всегда должны быть только *физическими*. Поэтому, устанавливая наиболѣе общіе законы, напр., законъ сохраненія вещества, въ которомъ рѣчь идетъ о всеобщемъ свойствѣ матеріи, физикъ полагаетъ, что никакихъ дополнительныхъ оговорокъ вносить въ формулу этого закона не нужно; мало того, уму такого физика, который склоненъ къ матеріализму, представляется *немыслимымъ* какое-либо ограниченіе этого закона. И въ самомъ дѣлѣ, пока мы пребываемъ только въ области *матеріальныхъ* процессовъ, уничтоженіе вещества физическими средствами, давленіемъ, толчками, остается недопустимымъ и даже немыслимымъ. Но представимъ себѣ, что матерія есть не единственный видъ бытія въ природѣ, въ особенности обратимъ вниманіе на то, что матерія есть нѣчто производное, обусловленное дѣятельностью высшихъ началъ, субстанцій. Тогда положеніе матеріи въ природѣ станетъ гораздо менѣе прочнымъ, чѣмъ какъ оно рисуется уму матеріалиста. Тогда не трудно будетъ представить себѣ и такія условія, при которыхъ возможно *уничтоженіе* матеріальной частицы. Въ самомъ дѣлѣ, представимъ себѣ субстанціальнаго дѣятеля, осуществляющаго дѣятельность отталкиванія и такимъ образомъ создающаго матеріальную наполненность части пространства. Положимъ далѣе, что этотъ субстанціальный дѣятель осуществляетъ еще и психическія дѣятельности. Тогда производимые имъ процессы отталкиванія становятся осмысленными, они цѣлесообразно направляются его психическою дѣятельностью. Теперь допустимъ, что такой субстанціальный дѣятель на основѣ длиннаго ряда опытовъ достигаетъ высшихъ ступеней сознательности, усматриваетъ отрицательныя

стороны матеріальнаго процесса и совершенно отказывается отъ столь примитивной дѣятельности, какъ отталкиванія, создающія непроницаемую объемность. Тогда матеріальная частица исчезла бы изъ состава природы, вмѣстѣ съ тѣмъ исчезъ бы и нѣкоторый запасъ физической энергіи, но субстанціальный дѣятель, конечно, сохранился бы и только направилъ бы свои творческія силы на болѣе высокую, чисто *духовную* (не матеріальную и также не психическую, не душевную) дѣятельность.

Исходя изъ соображеній, подобныхъ высказаннымъ выше, можно представить себѣ и такой путь развитія природы, при которомъ на извѣстной стадіи ея существованія сразу исчезли бы всѣ матеріальные процессы, и весь міръ перешелъ бы къ болѣе высокой формѣ жизнедѣятельности. Для органическаго міровоззрѣнія характерна склонность къ этому ученію о возможности избавиться отъ матеріальнаго бытія. Примѣромъ весьма обстоятельно развитого ученія этого типа могутъ служить взгляды Эд. Гартмана, изложенные имъ въ двухъ замѣчательныхъ книгахъ „Die Weltanschauung der modernen Physik“ и „Das Problem des Lebens“ (1906).

Гартманъ полагаетъ, что въ природѣ существуютъ, кромѣ центральныхъ, матеріирующихъ силъ, также силы, нецентральныя, нематеріирующія. Неорганическая природа обусловлена дѣйствіемъ однѣхъ лишь центральныхъ силъ; поэтому въ ней господствуетъ лишь физико-химическая механическая законосообразность. Иной характеръ имѣютъ жизненные процессы: они суть „комбинированныя явленія, возникающія изъ кооперації неорганическихъ центральныхъ силъ съ нецентральными силами; здѣсь надъ неорганическими законами природы надстраиваются

органическіе, надъ физико-химическою законосообразностью автономія жизни“ [1]).

Мало того, считая всякую силу въ принципѣ однородною съ волею [2]), Гартманъ полагаетъ, что высшая ступень развитія сознательной духовной жизни въ мірѣ можетъ повлечь за собою глубочайшій переворотъ, именно полную отмѣну законовъ матеріальной природы [3]).

Даже и тѣ философы, которые не занимались разработкою метафизики, если они въ какомъ либо смыслѣ признаютъ производность матеріальнаго бытія, связываютъ, обыкновенно, съ этимъ ученіемъ мысль о возможности исчезновенія матеріи. Такъ, для Канта матеріальная природа есть нѣчто производное: она существуетъ только въ опытѣ человѣка, поскольку человѣкъ познаетъ міръ съ помощью внѣшняго чувства, форма котораго есть пространство [4]). Поэтому, когда Кантъ пускается въ область метафизическихъ догадокъ о жизни мыслящаго субъекта послѣ смерти (съ оговоркою, что онъ вступаетъ въ область недоказуемыхъ предположеній), онъ вполнѣ послѣдовательно допускаетъ исчезновеніе матеріальной природы: „Если, говоритъ онъ,—„тотъ видъ чувственности, благодаря которому трансцендентальные и совершенно неизвѣстные намъ теперь предметы являются намъ, какъ матеріальный міръ, долженъ исчезнуть, то вслѣдствіе этого еще не

[1]) Das Problem des Lebens стр. 399, см. вообще главу „Энергетика, механика и жизнь“, стр. 386-412.)

[2]) (Тамъ же, стр., 400.)

[3]) Тамъ же, стр. 418.

[4]) О томъ, что пространство есть необходимая форма *человѣческой* чувственности, вовсе не обязательная для всякаго мыслящаго существа, см. Кантъ „Критика чистаго разума, перев. Н. Лосскаго стр. 46 („Трансц. эстетика,“ § 3, выводъ в).

прекращается всякое наглядное представленіе и вполнѣ возможно, что тѣ же самые неизвѣстные предметы продолжаютъ, хотя, конечно, уже не въ качествѣ тѣлъ, быть познаваемыми для мыслящихъ субъектовъ" *).

Предположеніе Канта отличается отъ предположенія Гартмана слѣдующимъ образомъ: по Гартману, исчезновеніе матеріальной природы должно быть результатомъ *космическаго* переворота, а, по Канту, оно должно быть слѣдствіемъ переворота *въ душѣ* мыслящаго субъекта. Эта разница объясняется тѣмъ, что Гартманъ считаетъ матерію *трансцубъективно реальною*, а Кантъ низводитъ ее на степень лишь *субъективнаго* представленія въ умѣ человѣка.

Изъ предыдущихъ соображеній ясно, что всякій, кто считаетъ матерію производнымъ бытіемъ, долженъ формулировать даже наиобщіе законы матеріальной природы съ ограниченіями или, по крайней мѣрѣ, долженъ признавать, что дальнѣйшее изученіе природы обяжетъ къ внесенію въ формулу закона какого-либо ограниченія.

Во избѣжаніе недоразумѣній слѣдуетъ замѣтить, что такія ограниченія не слѣдуетъ истолковывать, какъ нарушенія законовъ: они указываютъ лишь на то, что законъ въ дѣйствительности имѣетъ болѣе частный характеръ, чѣмъ мы предполагали сначала. При всякомъ расширеніи нашего кругозора намъ приходится дѣлать поправки такого рода. Даже математика, въ области которой смѣшно и говорить о какихъ-либо нарушеніяхъ, принуждена по мѣрѣ своего развитія вводить новыя ограниченія въ свои теоремы. Такъ, съ тѣхъ поръ, какъ человѣческому уму открылась сфера всевозможныхъ видовъ неевклидовскаго

*) Кантъ, „Критика чистаго разума", перев. Н. Лосскаго, стр. 248, примѣч.

пространства, аксіомы и теоремы Евклида приходится формулировать съ указаніемъ, что онѣ относятся къ пространству съ нулевою кривизною.

До сихъ поръ рѣчь шла объ ограниченіи закона сохраненія вещества и закона сохраненія энергіи. Теперь въ заключеніе, скажемъ нѣсколько словъ о законѣ энтропіи, изъ котораго слѣдуетъ, что въ матеріальной природѣ существуетъ тенденція къ выравниванію различій интенсивности энергіи и, слѣдовательно, возрастающее обезцѣниваніе энергіи.

Нѣтъ ли въ природѣ такихъ дѣятелей, которые хотя бы отчасти парализовали эту тенденцію?

Представимъ себѣ два сосуда, отдѣленные другъ отъ друга перегородкою и наполненные одинъ — горячимъ газомъ, а другой — холоднымъ. Вынемъ перегородку, и спустя нѣсколько времени быстро движущіяся молекулы горячаго газа проникнутъ въ холодный сосудъ въ большемъ количествѣ, чѣмъ холодныя въ горячій; въ результатѣ получится уравниваніе температуръ. Но допустимъ, вмѣстѣ съ Максуэллемъ, что на границѣ двухъ сосудовъ находится демонъ, который сортируетъ молекулы и пропускаетъ изъ горячаго сосуда въ холодный только наиболѣе медленно движущіяся молекулы, а изъ холоднаго въ горячій — только наиболѣе быстро движущіяся, вслѣдствіе этого процессъ приметъ *эктропическій* характеръ: разница температуръ не уменьшится, а возрастетъ.

Конечно, демонъ Максуэлля есть фикція. Но если принять изложенное выше динамистическое гилозоистическое ученіе объ одушевленныхъ тѣлахъ, то окажется, что нѣкоторыя частицы матеріи сами суть проявленія своего

рода демона, способнаго создать возрастаніе различій интенсивности энергій. Въ самомъ дѣлѣ, усиленія и ослабленія процессовъ отталкиванія въ опредѣленныхъ направленіяхъ, цѣлесообразно руководимыя психическими процессами, какъ это бываетъ въ живыхъ тѣлахъ, могутъ привести къ возрастанію различій интенсивности энергій, т. е. къ преодолѣнію энтропіи. Мысль о томъ, что жизненный процессъ можетъ играть такую роль высказывается въ средѣ самихъ физиковъ. Ф. Ауербахъ въ своей остроумной брошюрѣ „Энтропизмъ или физическая теорія жизни" утверждаетъ, что жизнь есть „та организація, которую міръ создалъ для борьбы противъ обезцѣненія энергіи" [1]). Достигается энтропизмъ жизни тѣмъ, что живой организмъ превращаетъ хаотическія движенія въ *упорядоченныя*, имѣющія опредѣленное *направленіе* [2]).

Исходя изъ динамистическаго ученія о матеріи, изложеннаго выше, становится понятнымъ, какимъ образомъ живое существо способно придать осмысленность, т. е. упорядоченность движеніямъ въ своемъ организмѣ.

Опираясь на такія соображенія, законъ энтропіи слѣдовало бы формулировать съ ограниченіемъ, именно съ указаніемъ, что онъ имѣетъ значеніе лишь для безжизненной среды.

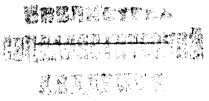
Общій итогъ всѣхъ предыдущихъ разсужденій тотъ, что матеріальное бытіе, если понимать его въ духѣ *органическаго* міровоззрѣнія, какъ бытіе *производное*, обладаетъ

[1]) Ф. Ауэрбахъ: „Энтропизмъ или физическая теорія жизни" перев. Бикермана, изд. „Образованіе", СПБ. 1911.

[2]) Тамъ же 78, см. вообще 74—82.

гораздо болѣе *пластическимъ* характеромъ, чѣмъ принято думать: законы матеріальной природы вовсе не пользуются такимъ безграничнымъ господствомъ, чтобы духовному бытію вездѣ и всегда приходилось только покорно склоняться передъ ними. Мало того, носители духовнаго бытія могутъ даже мечтать о такомъ періодѣ развитія міра, когда наступитъ полное освобожденіе отъ матеріальнаго бытія вслѣдствіе совершеннаго исчезновенія его.

Н. Лосскій.



Въ книжныхъ магазинахъ имѣются въ продажѣ слѣдующія сочиненія.

Н. Лосскій. Основныя ученія психологіи съ точки зрѣнія волюнтаризма. 2 изд. Пгр. 1911 г. Цѣна 1 р. 25 коп.

Н. Лосскій. Обоснованіе интуитивизма. 2 изд. Пгр. 1908 г. Цѣна 2 р.

Н. Лосскій. Сборникъ элементарныхъ упражненій по логикѣ. 2 изд. Пгр. 1911 г. Цѣна 70 к.

Н. Лосскій. Введеніе въ философію. Ч. I Введеніе въ теорію знанія. Пгр. 1911 г. Цѣна 1 р. 25 к.

Кантъ. Критика чистаго разума. Перев. **Н Лосскаго.** 2 изд. русск. перевода. Пгр. 1915 г. Цѣна 3 р.

(Перечисленныя изданія помѣщаются въ книжномъ складѣ типографіи М. М. Стасюлевича: Пгр., Вас. Остр., 5 Лин., д. 28).

Н. Лосскій. Интуитивная философія Бергсона 2 изд. Москва 1914 г. (издат. „Путь"). Цѣна 70 к.

ПЕЧАТАЕТСЯ:

Н. Лосскій. Міръ какъ органическое цѣлое.

Елистратовъ, А. И. Основныя начала административнаго права. Цѣна 2 р. 50 коп.

Познышевъ, С. В. Учебникъ русскаго уголовнаго процесса. Цѣна 2 р. 50 коп.

Познышевъ, С. В. Тюрьмовѣдѣніе. 2-е изд. Цѣна 2 руб.

Познышевъ, С. В. Особенная часть русскаго уголовнаго права. 3-е изд. Цѣна 2 р. 25 коп.

Ванъ-Канъ. Экономическіе факторы преступности. Цѣна 2 р. 75 коп.

ПЕЧАТАЮТСЯ:

Бернсонъ. Живопись Итальянскаго Возрожденія. Пер. съ англ. П. П. Муратова.

Шпеттъ, Г. Г. Психологическая хрестоматія. Т. I. Древній міръ.

Бердяевъ, Н. Судьба Россіи.

Ивановъ, Вяч. Родное и вселенское.

Лосскій, Н. О. Міръ какъ органическое цѣлое.

Франкъ, С. Л. Душа человѣка.

Кокошкинъ, Θ. Θ. Государственное право.

Елистратовъ, А. И. Основныя начала административнаго права. Изд. 2-е.

Кауфманъ, А. А. Основы техники и экономики крестьянскаго хозяйства.

Цѣна 50 коп.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ: Москва, Никитская, 10.
Книжный магазинъ „НАУКА“.